

Научная статья
УДК 343.131.2

doi: 10.17223/23088451/25/8

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА: ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ И ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ

Алена Владимировна Грищенко¹

¹ Томский областной суд, Томск, Россия, alyona180497@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена реализации начала непосредственности при исследовании доказательств в дореволюционной России. На основе анализа положений Устава уголовного судопроизводства 1864 года, практики Правительствующего Сената, а также мнений дореволюционных исследователей сформулированы пределы ограничения непосредственности судебного разбирательства и гарантии ее реализации.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 года, непосредственность судебного разбирательства, баланс частных и публичных интересов, досудебные и судебные гарантии непосредственности

Для цитирования: Грищенко А.В. Непосредственность в уголовном процессе России по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года: пределы ограничения и гарантии реализации // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 44–52. doi: 10.17223/23088451/25/8

Original article

doi: 10.17223/23088451/25/8

IMMEDIACY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE UNDER THE 1864 STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: LIMITS OF RESTRICTION AND IMPLEMENTATION GUARANTEES

Alyona V. Grishchenko¹

¹ Tomsk Regional Court, Tomsk, Russian Federation, alyona180497@yandex.ru

Abstract. Shortly after the adoption of the 1864 Statute of Criminal Proceedings, it became evident that implementing immediacy in its pure form was impossible, as it intersected with other values of criminal procedure. Restrictions on immediacy were deemed permissible only when there was a substantial threat to another procedural value, which the court reasonably chose to prioritize in a specific case. Crucially, the court had to verify that protecting this competing interest was unachievable without limiting immediacy. Prerevolutionary legislation established both judicial and pretrial implementation guarantees for immediacy when restricted. These guarantees were linked to bringing the court closer to the facts under investigation and providing parties with the opportunity to challenge evidence. The understanding of immediacy varied depending on the type of evidence examined: for witness testimony and physical evidence, it was implemented in its pure form; for expert opinions, it involved significant conventionality; while for investigative act protocols, only formal immediacy was applied.

Keywords: Statute of Criminal Proceedings (1864), immediacy of judicial proceedings, balance of private and public interests, pretrial and judicial guarantees of immediacy

For citation: Grishchenko, A.V. (2025) Immediacy in Russian criminal procedure under the 1864 Statute of Criminal Proceedings: Limits of restriction and implementation guarantees. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 44–52. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/8

Непосредственность давно была присуща судебному разбирательству. В России о ней можно говорить с принятия Александром II в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС). Правда, изначально, ввиду отсутствия в УУС понятия непосредственности, в теории уголовного процесса последняя отождествлялась с устностью (ст. 625 УУС).

Лишь в 70-е гг. XIX в. эти принципы стали различать: под устностью понималось устранение бумажного способа разрешения дела только по письменным доказательствам, под непосредственностью – устранение,

насколько это возможно, всего того, что стоит между судьей, постановляющим приговор, и предметом исследования [1. С. 33].

Начало непосредственности занимало важное место в системе ценностей уголовного процесса пореформенного периода. Основное ее назначение виделось в содействии интересам правосудия.

Как отмечалось в дореволюционной России, «истина познается или непосредственно, путем собственного самопознания, или посредственно, путем усвоения того, что непосредственно испытывают другие» [2. Т. XXIII.

С. 486]. Отдавая приоритет первому способу познания истины, В.К. Случевский полагал, что именно «благодаря непосредственности деятельность судьи охраняется от вторжения в его суждение субъективного элемента лиц, стоящих между ним и исследуемым событием» [3. С. 53]. Д.Г. Тальберг также считал, что «чем большее число лиц существует между судьей и предметом исследования, тем более увеличиваются шансы неправильного понимания дела» [4. Т. 1. С. 35–36]. По мнению данных исследователей, по возможности любое судебное решение должно быть результатом личного непосредственного наблюдения судьи, логическим следствием увиденного и слышанного им [3. С. 53; 4. Т. 1. С. 35–36]. Л.Е. Владимиров также полагал, что «именно первоисточник должен составлять средство для добывания истины, в то время как второисточник может быть терпим только как неизбежное исключение» [5. С. 143–144]. При этом только при участии сторон суд получал возможность, с одной стороны, осмотреть мельчайшие стороны дела, с другой – сохранить положение лично не заинтересованного в деле органа [6. С. 165].

Как отмечалось в литературе того периода, «начала уголовного процесса должны быть проникнуты признанием двух интересов: интереса публичного, требующего наказания виновного за совершенное преступление, и интересов обвиняемого, личные права которого должны быть гарантированы во имя того же общественного блага» [7. С. 103–104]. При этом дореволюционное законодательство и практика его применения исходили из необходимости учета частных интересов и иных участников процесса, а назначение непосредственности виделось в содействии защите прав и свобод всех лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Наконец, еще один аспект назначения непосредственности можно сформулировать исходя из требования, чтобы судебное решение не только устанавливало истину, было справедливым, но и воспринималось в качестве такового. К.И.А. Миттермайер по этому поводу обоснованно отмечал, что «предварительное следствие, скрываясь во мраке канцелярской тайны, возбуждает недоверие, особенно тогда, когда публика, с введением в действие гласности и устности, привыкла оказывать доверие только тем судебным действиям, в законности и правильности исполнения коих она могла сама убедиться» [8. Т. XXIII. С. 513].

Вместе с тем очень скоро у теоретиков и практиков сложилось понимание того, что реализовать непосредственность в ее чистом виде невозможно. В определенных случаях отказ от производных доказательств может не только не способствовать истине, но и препятствовать ее установлению (например, при отказе от оглашения показаний умершего ко времени рассмотрения дела в суде свидетеля). При решении вопроса об оглашении показаний свидетеля, находящегося в «дальней отлучке», интерес в непосредственном исследовании показаний вступает в противоречие с обеспечением разумного срока уголовного судопроизводства.

Когда при признании подсудимым вины дело рассматривается без исследования доказательств, непосредственность соприкасается с интересом, направленным на ускорение и удешевление производства по делу.

При отказе свидетеля, давшего показания против близких лиц на досудебном этапе, от дачи показаний в суде необходимо иметь в виду интерес в защите семейных отношений. Помимо этого, потребность в ограничении непосредственности объективно возникает в связи с возможными ситуациями злоупотребления своим субъективным правом (со стороны частных лиц) или дискреционными полномочиями (со стороны прокурора, а также суда) при принятии решения о форме исследования доказательств. Как отмечал К.И.А. Миттермайер, «законодатель, боясь злоупотреблений, отступает от konsekventного проведения основного начала и, посредством различных изъятий, ослабляет раз принятый принцип» [9. Т. XXI. С. 17].

На основе анализа положений УУС 1864 г., практики его применения и юридической доктрины попробуем проследить, как в дореволюционный период отечественного уголовного процесса предлагалось искать баланс между частными и публичными интересами, которые могли быть затронуты при ограничении непосредственности, и какие гарантии ее реализации при этом предусматривались.

1. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании показаний свидетеля и потерпевшего. Условно можно выделить три ситуации, при которых непосредственность исследования показаний свидетеля (потерпевшего) могла быть ограничена: при невозможности обеспечения явки в судебное заседание; при наличии существенных противоречий в показаниях или невозможности получения показаний в судебном заседании; с согласия сторон. Рассмотрим данные основания подробнее.

1.1. Ограничение непосредственности при невозможности обеспечения явки свидетеля, потерпевшего в судебное заседание. В соответствии со ст. 626 УУС, «не воспрещается прочтение в судебном заседании письменных показаний свидетелей, не явившихся в суд за смертью, болезнью, совершенной дряхлостью или дальней отлучкой» [10]. Указанные основания распространялись на возможность оглашения показаний и потерпевшего. Поскольку принятие решения об оглашении показаний по данному основанию не требовало согласия сторон и было возможно, в том числе, когда обвиняемый желал воспользоваться правом на допрос свидетеля, положения о возможности оглашения показаний только в ограниченных случаях (при наличии «законных причин») являлись важнейшей гарантией непосредственности.

Кроме того, часть оснований для оглашения показаний неявившегося свидетеля была связана с объективной невозможностью его допроса в судебном заседании. Так, по мнению С.И. Викторского, «в случаях, когда источник доказательства ко дню заседания исчезает (например, умирает свидетель), а без соответствующего доказательства судебное расследование будет не полно, предпочтительнее ознакомиться с ним из описания, чем совсем его проигнорировать» [1. С. 34].

Можно предположить, что «совершенная дряхлость» как основание оглашения показаний должна была тоже толковаться как объективная невозможность свидетеля в силу возраста явиться в суд. Вместе с тем на

практике встречались судебные решения, когда указанное основание понималось несколько шире. Так, при рассмотрении 26 апреля 1867 г. дела в отношении Ч. суд огласил показания свидетеля Б., который даже не вызывался в суд по причине «дряхлости». С учетом общего правила о недопустимости прочтения показаний невызывавшихся свидетелей¹ в газете «Судебный вестник» г. Н.Ст. указал: «Следовало вызвать свидетеля Б. в суд на основании общих правил, и если бы он по дряхлости не явился, требование о прочтении его письменных показаний нашло бы себе полное оправдание» [6. С. 390]. Однако Н.Л., не считая, что суд в указанном решении отклонился от основных начал судопроизводства, в другом номере этой же газеты отметил: «Поскольку причины, дающие право прочитывать показания неявившегося свидетеля, могут быть заранее известны прокурору, бесполезно вносить в список свидетелей лиц, явка которых до очевидности представляется невозможной или затруднительной» [6. С. 450]. Гарантии реализации непосредственности в данном случае Н.Л. видел в следующем: во-первых, оглашенные показания свидетеля составляли косвенную улику, и, во-вторых, они были известны Ч. на предварительном следствии, в связи с чем он мог опровергнуть данные показания. Правительствующий Сенат занял позицию, аналогичную позиции Н.Л., и счел возможным прочтение показаний свидетеля Б. по данному уголовному делу [6. С. 546].

Толкование положений ст. 626 и ст. 388 УУС в их взаимосвязи давало основания полагать, что с учетом интереса в осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок оглашать показания свидетеля было возможно, если его явке в судебное заседание мешают особые препятствия и нельзя ожидать его появления в ближайшее время. При таком понимании болезнь, дающая право на оглашение показаний, должна была лишать лицо возможности отлучиться из дома, а дальняя отлучка – состоять в нахождении в отдаленности, при которой без особенного затруднения в суд явиться невозможно. Вместе с тем постепенно Правительствующий Сенат расширил и это основание оглашения показаний за счет «нерозыскания» свидетеля, а в качестве гарантии непосредственности выработал требование приятия всех возможных мер к розысканию². Причины такого расширительного толкования заключались в противоречиях между ограничительным перечислением изъятий из общего правила об изустном производстве по делу и практическими условиями отправления правосудия: «из-за громадности расстояний, дурных путей сообщения и экономических условий сельского населения, породивших стремление к переселениям и к уходу на заработки, неявка на суд свидетелей превратилась в заурыдное явление» [11. С. 158].

Другим условием оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) являлась существенность их показаний. Так, согласно решению Правительствующего Сената от 27 марта 1869 г. № 324, «показание, признанное несущественным, не могло быть прочитано, в том числе, если свидетель не явился по законным основаниям» [12. С. 478]. Это означает, что ограничение непосредственности было возможно лишь при угрозе нарушения иного интереса (в данном случае публичного интереса, обусловленного необходимостью исследования существенных показаний в целях установления истины по делу). И наоборот, один лишь факт признания судом показаний не явившегося по законной причине свидетеля существенными не налагал на суд непрременной обязанности огласить показания, если об этом не просили стороны или суд сам не считал это необходимым³. Иными словами, оглашение показаний было возможно, лишь когда имелась необходимость предпочесть непосредственности иной подлежащий защите интерес. Кроме того, судебная практика дает основания полагать, что результаты сопоставления ценностей уголовного процесса при принятии решения о непризнании показаний существенными должны были найти отражение в мотивированном судебном решении⁴.

Как видно из приведенного анализа, оглашение показаний «отсутствующего» свидетеля (потерпевшего) было возможно при одновременном соблюдении двух условий: наличие «законной причины» неявки и признание судом показаний существенными. Иные комбинации указанных условий влекли за собой другие правовые последствия. Так, Правительствующий Сенат ориентировал суды обсуждать вопрос о существенности показаний, когда стороны просили отложить заседание для обеспечения явки свидетеля⁵. Если свидетель не явился в суд по причинам, законом прямо не предусмотренным, но суд признал его показания существенными, они в интересах непосредственности не прочитывались, но судебное заседание в интересах установления истины по делу подлежало отложению. При признании судом показаний несущественными они в целях реализации непосредственности также не прочитывались, но и заседание отложению не подлежало (вероятно, ввиду бесполезности для установления истины по делу и в интересах разумного срока уголовного судопроизводства).

Таким образом, предел ограничения непосредственности при неявке свидетеля (потерпевшего) в судебное заседание предлагалось находить следующим образом.

Во-первых, решение об оглашении показаний в данном случае могло быть принято только в результате сопоставления интереса в беспрепятственной реализации непосредственности с иными ценностями уголовного процесса.

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 07 августа 1870 года № 634 «По делу Подпоручика Фролова».

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 06 февраля 1870 года № 111 «По делу мещанина Павла Шатихина».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 09 апреля 1869 года № 351 «По делу крестьянина Лютикова».

⁴ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 15 февраля 1874 года № 97 «По делу мещан Морткина, Егорова и др.».

⁵ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 01 ноября 1867 года № 605 «По делу мещанина Русакова и крестьянина Марьева».

Во-вторых, в результате сопоставления указанных ценностей суд должен был прийти к выводу о необходимости оказания иному подлежащему защите интересу в конкретной ситуации предпочтения перед непосредственностью.

В-третьих, результат сопоставления ценностей уголовного процесса должен был найти отражение в мотивированном судебном решении.

Дореволюционным законодательством и практикой его применения также предусматривались гарантии реализации непосредственности: как судебные (обязательность вызова свидетеля в суд, возможность оглашения его показаний при «законности» причин неявки, необходимость осуществления всех разумных мер для розыска свидетеля и т.д.), так и досудебные. В качестве последних особое значение имело право обвиняемого оспорить полученные по уголовному делу показания. Так, в соответствии со ст. 448 УУС, «допрос, снятый со свидетеля в отсутствие обвиняемого, прочитывался ему, и обвиняемый имел право опровергать сделанные против него показания и просить следователя о предложении свидетелю новых вопросов» [10]. Указанное положение, являвшееся условием использования показаний без непосредственного исследования в судебном заседании, представляло важнейшую гарантию реализации непосредственности и права обвиняемого на защиту.

1.2. Ограничение непосредственности при наличии существенных противоречий в показаниях свидетеля, потерпевшего или невозможности получения их показаний в судебном заседании. Согласно ст. 627 УУС, «не возбраняется прочитывать прежние показания явившегося свидетеля по отобранию от него новых, если изустные его показания не согласны с письменными, данными на предварительном следствии» [10]. По мнению С.И. Викторского, «положения о возможности прочитывать прежние показания явившегося свидетеля не уничтожают непосредственности и устности, а способствуют лишь уяснению уголовно-судебной истины» [1. С. 38]. И.Я. Фойницкий считал оглашение таких показаний «отступлением от начала непосредственности, однако менее глубоким по сравнению со ст. 626 УУС» [13. Т. 2. С. 301]. К.И.А. Миттермайер же, напротив, полагал чтение показаний присутствующих в суде свидетелей по указанному основанию весьма опасным, так как такие показания даются в отсутствие судьи [9. Т. XXI. С. 21]. Попробуем разобраться, в каких случаях оглашение показаний, данных на предварительном следствии, при существенном им противоречии показаний, данных в судебном заседании, считалось оправданным ограничением непосредственности.

Прежде всего, до окончания допроса свидетеля сторонами оглашать его показания было нельзя: прочтение

показаний ввиду наличия в них противоречий было возможно лишь в крайних случаях, когда «разноречие не разъяснилось ни изустным показанием свидетеля, ни его ответами на вопросы»¹. Кроме того, прочтение письменных показаний явившегося в суд свидетеля «могло быть разрешено судом только тогда, когда несогласие изустных и письменных показаний подавало повод к сомнению, в каком из них надлежит признать истинное изложение известных лицу обстоятельств дела»². Таким образом, использование дополнительного источника считалось оправданным, если первоисточник не был полным и точным или если у суда возникали сомнения в его достоверности.

При этом гарантия непосредственности заключалась в отнесении вопроса о противоречиях, требующих оглашения показаний, к компетенции суда [14. С. 192]. Дореволюционная судебная практика не предоставляла сторонам право требовать прочтения показаний свидетеля в том случае, когда суд не усматривал разноречия в показаниях³. Таким образом, суд был наделен правом по своей инициативе определять, порождают ли противоречия в показаниях сомнения, требующие для установления истины оглашения показаний, данных в ходе предварительного расследования. Более того, в целях установления истины прочтение письменного показания свидетеля могло быть допущено по усмотрению суда безотносительно от ходатайства сторон⁴.

Определенные гарантии были выработаны и для предотвращения злоупотребления судом своим правом на оглашение показаний явившегося свидетеля. Так, было сформулировано понятие «разногласия» как «изложение одних и тех же обстоятельств не в одинаковом виде и значении» (показания свидетеля в суде о фактах, о которых его не допрашивали на предварительном следствии, разногласием не признавались)⁵. При наличии разногласий в показаниях свидетеля суду надлежало оглашать их лишь в части, «не согласной с изустным показанием». Кроме того, как справедливо отмечал Л.Е. Владимиров, «причина противоречий в показаниях главным образом заключается в односторонности и часто тенденциозности допросов, против чего есть только одно действительное средство – право перекрестного допроса свидетелей» [5. С. 370]. Эта досудебная гарантия, как отмечалось ранее, была предусмотрена ст. 448 УУС.

Судебной практикой были выработаны и иные основания оглашения показаний явившихся свидетелей. Например, могли быть оглашены показания свидетелей, которые хотя и явились в суд, но отказались дать показания, в том числе «по причине забывания», свидетелей, которые «вследствие болезни не могли давать показания ни изустно, ни письменно»⁶.

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 26 января 1868 года № 49 «По делу отставного титулярного Советника Билбасова».

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 11 декабря 1870 года № 1505 «По делу казака Степана Кобзара и крестьянина Егора Павленко».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 22 марта 1868 года № 191 «По делу крестьянина Румянцова и ямщика Рязанова».

⁴ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 04 декабря 1868 года № 806 «По делу крестьянина Степанова».

⁵ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 06 марта 1875 года № 163 «По делу купеческих сыновей Голацких».

⁶ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 04 октября 1869 года № 796 «По делу отставного Губ.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности оглашения показаний свидетеля, состоящего с обвиняемым в близких отношениях. Согласно практике Правительствующего Сената, в случае, если свидетель, находящийся с подсудимым в родстве, несмотря на разъяснение права отказаться от дачи показаний, дал показания на предварительном следствии и в суде, при наличии между такими показаниями противоречий они могли быть оглашены. Подлежали оглашению показания свидетеля, состоящего с подсудимым в родстве, и в том случае, когда свидетель, не заявив положительно о желании воспользоваться правом не давать показания, уклонялся от дачи показаний. Иные правовые последствия наступали только в том случае, если лицо не дало показания в связи с тем, что «пожелало устранить себя от свидетельствования на суде по праву, предоставленному ст. 705 УУС»¹. В последнем случае, ввиду сознательного устранения лица от свидетельствования против родственника, суд отказывал в прочтении показаний.

Таким образом, предел ограничения непосредственности при наличии противоречий в показаниях свидетеля (потерпевшего) и при невозможности получения его показаний в суде предлагалось находить следующим образом. Во-первых, использование досудебных показаний по данному основанию было возможно только после допроса свидетеля в суде (либо убеждения в невозможности получения показаний явившегося свидетеля) и только в том случае, если имелись сомнения в точности, полноте и достоверности судебных показаний. Во-вторых, оглашение показаний было возможно только тогда, когда суд пришел к необходимости оказания предпочтения интересу в установлении истины по делу перед беспрепятственной реализацией непосредственности. В-третьих, судом должна была быть признана невозможность достижения истины посредством исследования показаний, данных в суде. Баланс между непосредственностью и интересом, направленным на защиту семейных отношений, выстраивался иначе. В случае, если свидетель недвусмысленно воспользовался принадлежащим ему правом отказаться от дачи показаний против близких лиц, интерес, направленный на защиту семейных отношений, фактически совпадал с интересом в беспрепятственной реализации непосредственности, которая в данном случае ограничена быть не могла. Если же таким правом свидетель не воспользовался, уклонился от дачи показаний или наоборот дал показания, противоречащие ранее данным, в целях установления истины ограничение непосредственности считалось обоснованным.

Секр. Николая Горского»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 09 июля 1873 года № 607 «По делу крестьян Казуркина, Калиничева, Яшенкина, Мешковых, Чурова и мещанина Матвеева».

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 24 ноября 1872 года № 1487 «По делу рядового Клячкина»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 18 мая 1873 года № 562 «По делу крестьян Вербенковых, Крикуновых и других»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 12 июня 1870 года № 448 «По делу жены отставного рядового Марьи Коняхиной».

1.3. Ограничение непосредственности с согласия сторон. Несмотря на отсутствие прямого указания в законе, дореволюционная судебная практика позволяет выделить еще одно основание для оглашения показаний свидетеля и потерпевшего – с согласия сторон. Такой вывод следует из ряда решений Правительствующего Сената, не признававшего право стороны ссылаться в кассационной жалобе на незаконность оглашения показаний свидетеля (потерпевшего), если эта сторона изъявила согласие на прочтение актов предварительного следствия².

2. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании показаний подсудимого. По замыслу авторов УУС «показания обвиняемого не должны иметь значение уголовного доказательства по делу и могут представляться лишь «как средство в руках обвиняемого к самозащите» [3. С. 58]. В связи с этим наличие допроса, а также его процедура в дореволюционной России зависели от того, признавал подсудимый себя виновным или нет.

Так, признающему свою вину подсудимому предлагались вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется (ст. 680 УУС); при этом если признание подсудимого не возбуждало сомнения, суд, не производя дальнейшего исследования, мог перейти к прениям (ст. 681 УУС). В то же время, несмотря на сделанное подсудимым признание, суд, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могли потребовать судебного исследования, и в таком случае суд приступал к рассмотрению и проверке доказательств (ст. 682 УУС).

Как видно из приведенных положений закона, признание подсудимым своей вины автоматически не устраняло непосредственное исследование доказательств. УУС исходил из необходимости непосредственного исследования как минимум показаний подсудимого для проверки сделанного им признания (для предотвращения самооговора и установления истины по делу). Гарантией же такого допроса являлось его проведение лишь лицом, представляющим по своему положению беспристрастие, – председательствующим [14. С. 218].

Помимо показаний подсудимого, при признании последним своей вины непосредственно могли быть исследованы и иные доказательства по делу. Так, суд по собственной инициативе или по ходатайству присяжных, прокурора, участвующих в деле лиц был наделен правом непосредственного исследования доказательств, вызывающих сомнения и требующих уточнения. Кроме того, самому сознавшемуся подсудимому

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 04 декабря 1868 года № 859 «По делу мещанина Григорьева и Коллежского Секретаря Батракова»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 15 февраля 1894 года № 4 «По делу кандидата прав Александра Салтыкова»; Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 29 мая 1874 года № 360 «По делу купеческого племянника Красикова и фельдшера Караулова».

необходимо было задать вопрос, считает ли он необходимым производство судебного следствия [12. С. 525]. Как видно, интерес в установлении истины превалировал над интересом, направленным на ускорение и удешевление уголовного судопроизводства, что зачастую вело к непосредственному исследованию доказательств по делу.

Теперь рассмотрим правовые последствия, наступавшие при непризнании подсудимым своей вины. Допрашивать подсудимого непосредственно после отрицания им своей вины в соответствии с дореволюционным законодательством было нельзя. Положения ст. 683 УУС лишь закрепляли обязанность суда при рассмотрении каждого доказательства спросить подсудимого, не признающего в преступлении, не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения [10]. В случаях, когда суд вместо предложения подсудимому представить опровержение доказательства предлагал ему вопросы, клонящие к изобличению, судебная практика признавала нарушение прав подсудимого. Так, решением Правительствующего Сената от 16 мая 1873 г. были признаны противоречащими ст. 683 УУС вопросы председательствующего, направленные на выявление сущности письменных показаний подсудимого: «на предварительном следствии Вы показали, что не видели в селе Д., что Вы теперь скажете?»; «на предварительном следствии Вы показали, что опечатали бюро и двери спальни, а впоследствии, что опечатали все хранилища, как Вы объясните это разноречие?» [14. С. 219–220].

Предложить подсудимому вопросы председательствующий и с его разрешения члены суда непосредственно, а присяжные – через председательствующего в соответствии со ст. 684 УУС могли лишь по обстоятельствам дела, представившимся им недостаточно разъясненными¹. Из буквального смысла указанной статьи следует, что допрос подсудимого сторонами предусмотрен не был. Применительно к представителю обвинительной власти это объяснялось несправедливостью предоставления прокурору действий, посягающих на равноправие сторон: «такой характер имел бы допрос подсудимого прокурором, при котором первый должен был бы отвечать прокурору, не имея права в свою очередь предлагать ему вопросы» [6. С. 479].

Изначально УУС не признавал возможным оглашать письменные показания подсудимого: «невозможно допустить обличение подсудимого посредством прочтения данного им при предварительном следствии показания, в котором он сознавался в своей вине или показывал несогласно с объяснениями на суде, так как эта мера вынуждала бы от подсудимого признание, которого суд не должен домогаться подобными средствами» [14. С. 194]. Правительствующий Сенат также вынужден был в целом ряде решений охранять право подсудимого находиться вне риска оглашения его показаний [11. С. 158–159].

Вместе с тем к началу XX в. запрет по общему правилу на оглашение показаний обвиняемого, признававшего свою вину на предварительном следствии и отрицавшего ее в суде, подвергся существенной критике. Как отмечалось в юридической литературе, «поскольку обратно взятое признание не могло быть опровергаемо ни ссылкой на первоначальные показания обвиняемого, ни изобличением противоречий, у присяжных отнималась возможность проверить все показания подсудимого» [11. С. 162]. По мнению дореволюционных исследователей, запрет оглашения показаний обвиняемого вредил не только интересам правосудия, но и самому подсудимому, поскольку при сознании последний мог бы рассчитывать на снисхождение присяжных и суда [11. С. 162]. Недоумение вызывала и возможность допрашивать свидетелей (полицейских, чиновников) о показаниях подсудимого, данных им на дознании (хотя бы в них и заключалось признание), при запрете оглашать показания, данные перед судебным органом [11. С. 172]. Правда, с учетом судебной природы предварительного следствия акты, составленные судебным следователем, вызывали большее доверие общества, в результате чего в 1908 г. Сенатом был разрешен допрос судебных следователей о сознании обвиняемого.

Представляется, сами по себе положения УУС, обязывающие председательствующего выяснять у подсудимого при рассмотрении каждого доказательства, «не желает ли он в свое оправдание представить какие-либо объяснения или опровержения» (ст. 683 УУС), как и закрепляющие право предлагать подсудимому вопросы по всем обстоятельствам дела, «представляющимся недостаточно разъясненными» (ст. 684 УУС), демонстрировали невозможность последовательного выдерживания запрета допрашивать несознающего подсудимого. Тем более, что эффективность гарантии, которой был обставлен фактический допрос подсудимого в данном случае, в виде напоминания ему права не отвечать на предложенные вопросы, представлялась весьма спорной (очевидно, использование этого права подрывало доверие присяжных).

В результате к 1911 г. практика Правительствующего Сената разрешила оглашать показания обвиняемого, данные им на предварительном следствии [3. С. 58]. С изменением судебной практики на противоположную той, что существовала с момента утверждения Устава, гарантии непосредственности виделись в обязанности суда оценить внешние и внутренние условия (содержание) первого сознания обвиняемого и проверить содержание новых показаний, отрицающих первое; в праве подсудимого оспаривать и опроверживать правдивость признания, «доказывая всеми допустимыми способами незаконность приемов для добытия сознания, несоответствие признания обстоятельствам дела и другим показаниям, добытым на предварительном или судебном следствии» [11. С. 167, 176].

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы. При признании подсудимым своей вины ускорение уголовного судопроизводства (с одновременным

¹ Указанные положения относились к подсудимым, как признающим, так и не признающим свою вину.

ограничением непосредственности) было возможно только после убеждения суда в отсутствии самооговора в ходе обстоятельного допроса подсудимого беспристрастным судом. Гарантией реализации непосредственности и одновременно установления истины по делу при признании подсудимым своей вины являлась возможность непосредственного исследования и иных, помимо показаний подсудимого, доказательств по делу, вызывающих у суда или иных участников процесса сомнения и требующих уточнения. При непризнании же подсудимым своей вины судебная практика дореволюционной России прошла длительный путь от полного запрета оглашения досудебных показаний обвиняемого до разрешения такового, с предоставлением возможности подсудимому оспорить правдивость данного им ранее признания, а суду – дать оценку первоначальному признанию подсудимого и его показаниям, отрицавшим признание.

3. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании вещественных доказательств. Одним из следствий начала непосредственности в дореволюционной России являлось предъявление для личного осмотра вещественных доказательств. Так, в соответствии со ст. 696 УУС, «вещественные доказательства должны быть внесены в заседание суда и положены перед судьями, если не встретится к тому препятствий в объеме или качестве вещей» [10]. После осмотра судьями и присяжными вещественные доказательства должны были быть предъявлены подсудимому и потерпевшему (ст. 697 УУС), кроме того, вещественные доказательства, относящиеся к предмету показаний, подлежали предъявлению каждому свидетелю по делу (ст. 725 УУС). Предел непосредственного восприятия участниками процесса вещественных доказательств, на наш взгляд, достаточно точно сформулирован в дореволюционной литературе: «письменный или устный отчет о вещественных доказательствах иных лиц мог быть допущен только в случае физической невозможности их личного осмотра» [4. Т. 1. С. 36].

Дореволюционная судебная практика тоже придавала большое значение непосредственности исследования вещественных доказательств. Так, по делу А., обвиняемого в совершении кражи со взломом, защитник просил предъявить присяжным и свидетелям железный лом, однако окружной суд ему в этом отказал. Проверая законность и обоснованность приговора, Правительствующий Сенат признал отказ суда в непосредственном исследовании вещественного доказательства существенным отступлением от порядка судопроизводства¹. Вместе с тем неисследование в судебном заседании предметов могло быть поставлено в вину суду только при признании их в ходе предварительного следствия вещественными доказательствами. Так, в решении № 1910 от 1871 г. Правительствующий Сенат не посчи-

тал нарушением неудовлетворение требования подсудимых о предоставлении вещественных доказательств, так как «последние не были приложены к делу» [14. С. 230]. Высший судебный орган исходил из того, что если обвиняемый считает, что какая-то изъятая у него вещь может служить вещественным доказательством, он должен просить следователя о приобщении к делу вещественного доказательства, а при отказе следователя – принести жалобу в окружной суд, чего по данному делу сделано не было.

4. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании заключения и показаний эксперта («сведущего лица»). Применительно к заключению и показаниям эксперта условие непосредственности может быть реализовано со значительной долей условности, поскольку суд при допросе эксперта или при оглашении его заключения не исследует первоначальный источник сведений. В то же время в большей степени непосредственность исследования судом доказательств присуща заслушиванию показаний эксперта, а не прочитыванию его заключения. Последовательно выдерживая принцип непосредственности, дореволюционный законодатель отдавал приоритет допросу «сведущих лиц»² перед оглашением их заключений. Такой подход приближал суд и иных участников процесса к носителю первичной информации («сведущему лицу»), пусть и не относящейся к событию преступления в целом, но содержащей сведения о промежуточных обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Так, в соответствии со ст. 690 УУС, «для объяснения испытания, произведенного “сведущими людьми”, суд мог вызвать в судебное заседание такое лицо и потребовать от него отчета в его действиях» [10]. Возможность суда по собственной инициативе принять решение о допросе «сведущих лиц» являлась важной гарантией реализации непосредственности и установления истины по делу. Сторонам же допрос «сведущих лиц» позволял реализовать право оспорить полученное на досудебной стадии заключение эксперта. Безусловно, заключение эксперта могло быть оглашено, однако удовлетворение просьбы стороны о таком оглашении обязательным для суда не являлось, тем более при нахождении в суде экспертов, которыми была произведена экспертиза³.

При неявке «сведущего лица» суд мог ограничиться прочтением составленного на предварительном следствии заключения (ст. 687 УУС). Такое оглашение было возможно по просьбе сторон или когда судьи, присяжные признают это необходимым. Принимая решение об оглашении заключения эксперта, суд исходил из необходимости установления истины по делу, по которому, в силу неявки «сведущего лица», установить обстоятельства, требующие специальных познаний, без нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства невозможно.

¹ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 21 июня 1867 года № 260 «По делу крестьянина Антонова».

² УУС не содержал термина «эксперт», вместо него использовалось понятие «сведущие люди».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 27 апреля 1877 года № 95 «По делу о злоупотреблениях в бывшем Московском коммерческом ссудном банке».

В соответствии со ст. 691 УУС, «сведущие люди», производившие судебно-химические или микроскопические исследования не в месте судебного следствия, не подлежали вызову в заседание суда для объяснений и заменялись местными врачами и фармацевтами» [10]. Данное положение было обусловлено, с одной стороны, представлением о нежелательности постоянного отвлечения специалистов от работы, с другой – пониманием важности непосредственного допроса при одновременном осознании заменяемости «сведущих людей». Таким образом, в механизме непосредственности находили отражение публичные интересы правосудия, состоящие в наиболее полном и точном установлении обстоятельств произошедшего, частные интересы «сведущих лиц», освобождавшихся от явки в суд ввиду дальности расстояния, частные интересы обвиняемого, получавшего возможность оспорить используемое против него доказательство.

Кроме того, положения ст. 692 УУС предоставляли суду возможность как по ходатайству сторон, присяжных, так и по собственной инициативе назначить новое исследование через избранных им или указанных сторонами «сведущих людей», что являлось важнейшей гарантией непосредственности.

5. Пределы ограничения непосредственности и гарантии ее реализации при исследовании протоколов следственных действий и иных документов. В соответствии со ст. 687 УУС, «в судебном заседании по ходатайству сторон или по инициативе суда, присяжных заседателей могли быть прочитаны протоколы об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках» [10]. По указанным правилам подлежали оглашению и иные документы¹, если они были приобщены к материалам дела в качестве письменных доказательств, указаны в обвинительном акте, а их содержание не могло стать известным суду через свидетельские показания².

Вместе с тем под перечисленными в ст. 687 УУС документами закон понимал лишь акты, составленные на следствии, а не изъятые у подсудимого или иных лиц вещественные доказательства. Материалы, заключающие в себе сознание подсудимого в преступлении, также на основании ст. 687 УУС оглашены быть не могли.

При исследовании протоколов следственных действий начало непосредственности реализуется в формальном понимании, поскольку судом непосредственно воспринимается зафиксированный в документальной форме результат деятельности органов следствия в досудебном производстве, а не сама реальность. Для гарантирования реализации непосредственности само по себе нахождение документа в деле, даже при невозможности замены его содержания свидетельскими показаниями, не вело к безусловному его прочтению. Так, суд мог отказать в прочтении следственного документа, не имеющего отношения к делу, однако должен был подробно изложить мотивы такого решения³. Отсутствие возражений противной стороны против прочтения актов предварительного следствия также не вело к безусловному оглашению.

Кроме того, при признании по ходатайству сторон, присяжных или по собственной инициативе протокола осмотра «не имеющим достоверности или подлежащей полноте» суд мог поручить одному из своих членов или судебному следователю произвести новый осмотр (ст. 688 УУС). В чрезвычайных же случаях «для ближайшего удостоверения в событии важного преступления» суд мог в полном составе выехать на место преступления и открыть там судебное заседание (ст. 689 УУС). Возможность осуществления следственного действия самим судьей, как представляется, также являлось важной гарантией непосредственности и установления истины по уголовному делу.

Список источников

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс : учеб пособие. М. : Городец, 1997. 447 с.
2. Беликов Ст. Об уголовных доказательствах вообще // Журнал Министерства юстиции : [ежемесячное приложение к «Судебному вестнику»] / под ред. А. Чебышева-Дмитриева. СПб. : Министерство юстиции Российской империи, 1865. Т. XXIII. С. 486.
3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. XIV. 670 с.
4. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Т. 1. Киев : Товарищество печатного дела и торговли И.Н. Кушнерев и К°, 1889. X. 318 с.
5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. 462 с.
6. Судебный вестник : газета Министерства юстиции. СПб. : [б. и.], 1866–1877.
7. Щегловитов И.Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства (Вступительная лекция, читанная в Императорском Училище правоведения 10 сентября 1903 года) // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 9 (Ноябрь). С. 95–153.
8. Миттермайер К.И.А. Участие полиции в предварительном следствии // Журнал Министерства юстиции : [ежемесячное приложение к «Судебному вестнику»] / под ред. А. Чебышева-Дмитриева. СПб. : Министерство юстиции Российской империи, 1865. Т. XXIII.
9. Миттермайер К.И.А. Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции : [ежемесячное приложение к «Судебному вестнику»] / под ред. А. Чебышева-Дмитриева. СПб. : Министерство юстиции Российской империи, 1864. Т. XXI.
10. Устав уголовного судопроизводства // Конституция РФ [Б.м.], 2003–2024. URL : <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 23.05.2024).
11. Давневский В.П. О прочтении на судебном следствии показаний подсудимого, свидетелей и справок о судимости // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 7.

¹ В порядке ст. 687 УУС могли оглашаться, например, заключение эксперта, акты полицейского дознания, в которых изложены обстоятельства, сопровождавшие обнаружение преступления, и т.д.

² Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 18 мая 1882 года № 20 «По делу Мордко и Хаима Левинных».

³ Решение уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 23 октября 1878 года № 47 «По делу крестьянина Матвея Ховалкина».

12. Шрамченко М.П. Устав уголовного судопроизводства: С позднейшими узаконениями, законодат. мотивами, разъясн. Правительствующего сената и циркуляра М-ва юст. / сост. за обер-прокурор. столом и.о. обер-секр. угол. кассац. деп. Прав. Сената М. Шрамченко и юрисконсульт-ом М-ва юст. В. Ширковым. 4-е изд., пересм. и доп. (свод зак. т. 16, ч. 1, изд. 1892 г. и по прод. 1906 г.) СПб. : Н.К. Мартынов, 1909. LXXII, 1192 с.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., пересм. и доп. СПб. : Сенатская типография, 1910. Т. 2. 572 с.
14. Анисимова И.П. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с разъяснениями их по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. 9-е доп. изд. СПб. : Тип. Ретгера и Шнейдера, 1874.

References

1. Viktorovskiy, S.I. (1997) *Russky ugolovnyy protsess* [Russian Criminal Procedure]. Moscow: Gorodets.
2. Belikov, St. (1865) Ob ugolovnykh dokazatel'stvakh vobshche [On Criminal Evidence in General]. In: Chebyshev-Dmitriev, A. (ed.) *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. Vol. XXIII. Saint Petersburg: Ministry of Justice of the Russian Empire. p. 486.
3. Sluchevskiy, V.K. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa: Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of Russian Criminal Procedure: Judicial System – Legal Proceedings]. 4th ed. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
4. Talberg, D.G. (1889) *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Russian Criminal Proceedings]. Vol. 1. Kyiv: Tovarishestvo pechatnogo dela i tovgovli I.N. Kushnerev i K^o.
5. Vladimirov, L.E. (2000) *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh* [The Doctrine of Criminal Evidence]. Tula: Avtograf.
6. *Sudebny vestnik* [Judicial Bulletin]. (1866–1877) Saint Petersburg.
7. Shcheglovitov, I.G. (1903) Osnovnye nachala sovremennogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Basic Principles of Modern Criminal Proceedings]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 9 (November). pp. 95–153.
8. Mittermaier, K.I.A. (1865) Uchastie politsii v predvaritel'nom sledstvii [Police Participation in Preliminary Investigation]. In: Chebyshev-Dmitriev, A. (ed.) *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. Vol. XXIII. Saint Petersburg: Ministry of Justice of the Russian Empire. p. 513.
9. Mittermaier, K.I.A. (1864) Novy proekt russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva [New Draft of Russian Criminal Proceedings]. In: Chebyshev-Dmitriev, A. (ed.) *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. Vol. XXI. Saint Petersburg: Ministry of Justice of the Russian Empire. p. 17.
10. Garant.ru. (2024) *Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva* [Statute of Criminal Proceedings]. (2003–2024) [Online] Available from: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (Accessed: 23.05.2024).
11. Danevsky, V.P. (1897) O prochtenii na sudebnom sledstvii pokazany podsudimogo, svideteley i spravok o sudimosti [On Reading the Testimonies of the Accused, Witnesses and Criminal Records During Judicial Investigation]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 7. p. 158.
12. Shramchenko, M.P. (1909) *Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva* [Statute of Criminal Proceedings]. 4th ed. Saint Petersburg: N.K. Martynov.
13. Foinitskiy, I.Ya. (1910) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Course of Criminal Proceedings]. Vol. 2. 3rd ed. Saint Petersburg: Senatskaya Tipografiya.
14. Anisimova, I.P. (1874) *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s raz'yasneniyami ikh po resheniyam kassatsionnykh departamentov Pravitel'stvyuyushchego Senata* [Judicial Statutes of November 20, 1864, with Explanations According to Decisions of the Cassation Departments of the Governing Senate]. 9th ed. Saint Petersburg: Tip. Retgera i Shneidera.

Информация об авторе:

Грищенко А.В. – помощник судьи Томского областного суда (Томск, Россия). E-mail: alyona180497@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Grishchenko, judge assistant, Tomsk Regional Court (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alyona180497@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025;
одобрана после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 04.03.2025;
approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.